

Екатерина Костюкина

Моё лимонное дерево

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Екатерина Косточкина
Моё лимонное дерево

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Косточкина Е.

Моё лимонное дерево / Е. Косточкина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

ISBN 978-5-532-05588-9

«Моё лимонное дерево» — это история о маленьком городке и больших людях, ступивших за порог нового тысячелетия. История силы и слабости перед лицом трагедии, открытия правды и принятия себя. Но прежде всего это история о хрупкой душе, тяжелом выборе и сломанном мире. История оправданной жестокости и неоправданной любви, где иногда любовь и жестокость меняются местами. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-05588-9

© Косточкина Е., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Сентябрь 2000	5
Часть I	7
Декабрь 1999	7
Утро	9
Оливия	10
Рождество 1999	11
26 декабря 1999	14
30 декабря 1999	16
Январь 2000	18
Две недели спустя	20
Вечер следующего дня	22
Девушка с каре	24
Ночь	26
День	28
Кристина	30
Нечто грядет	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сентябрь 2000

Лампа на потолке мигает и порой издает противный треск. Это не дает собраться с мыслями и выводит меня из себя. Я бы с радостью кинула в нее банкой газировки, которая стоит рядом. Было очень мило с их стороны предложить мне ее, забыв открыть. Ведь женщина со сломанными руками может справиться сама. Возможно, эти люди и не хотели быть милыми. Вероятно, для них женщины, подобные мне, не заслуживают хорошего отношения. Должно быть, кто-то из них сейчас наблюдает за мной из-за стойки регистрации и ехидно посмеивается. Кого-то я знаю. Например, девушку, отвечающую на звонки. Телефон то и дело нарушает тоскливую тишину вокруг, блондинка снимает трубку и мило произносит: «Здравствуйте, вы позвонили в отдел опеки. Меня зовут Катерина, чем я могу вам помочь?»

Катерина Лисова – мы учились с ней в одной школе. Я видела это лицо каждый праздник в главной роли школьного спектакля. Его сложно было забыть: белоснежные брови с такими же ресницами, сейчас аккуратно замаскированные тушью, хоть как-то обозначающей границу ее тусклого взгляда. Она всегда была милой, хотя возможно, она до сих пор оставалась такой. Иногда она смотрит на меня, недолго, но мне хватает, чтобы увидеть на ее лице пренебрежение. Все изменилось, теперь люди не улыбаются мне. Плевать! Сейчас меня волнует только моя дочь. Я осматриваюсь: бледные стены увешаны детскими фотографиями, под каждой из которых надпись: «Мне нужны мама и папа. Алиса, 4 года». Словно бирка или ценник. Меня начинает трясти от мысли, что фото моей крошки может оказаться среди них. Ее не отнимут у меня. Я не позволю.

– Оливия Муссон, Оливия Муссон! – Я отзываюсь не сразу. – Вас готовы принять.

Несколько секунд я мнусь у входа в кабинет, после чего локтем давлю на ручку, игнорируя боль, и со второго раза у меня получается открыть дверь. За столом сидит женщина моего возраста. Мне так кажется. У нее красивое полное лицо и свежий румянец. Ей за тридцать, но не больше тридцати пяти.

Я зашла в кабинет, и воздух вокруг потяжелел. Он давил сверху, мешая сделать шаг навстречу. Чему? Сокрушительному решению органов опеки? Разве они не должны заниматься сиротами? Моя дочь не из них! У нее есть я! И даже отец, пропади он пропадом!

– Прошу вас, присаживайтесь.

Я послушно выполняю требования женщины: ногой отодвигаю стул и осторожно усаживаюсь напротив.

– Меня зовут Мария, моя обязанность – выяснить все обстоятельства дела, и по необходимости...

– Отобрать у меня Селену? – Перебила я. – Где моя дочь? Почему я не могу ее увидеть?

– До выяснения всех обстоятельств ваша дочь будет находиться у отца. Так как ваши родители не в состоянии следить за ребенком.

Точнее, у них есть уже один балласт на шею в виде моей сестры, на который и расходуются все их силы.

– Скажите, с ней все в порядке?

– Трещина на ребре и пара швов. Девочка многое пережила, и сейчас ей лучше быть в безопасности.

Боже мой.

– В безопасности? Я ее мать!

– И, тем не менее, именно с вами она получила эти травмы. Вы не уберегли ее.

– Это был несчастный случай. Что-то с машиной...

– Оливия, вы были пьяны, а машина полностью исправна. По крайней мере, была таковой.

– Вы обвиняете меня? Я бы никогда не причинила ей боль! Селена – все, что у меня есть. Понимаете? Все! Вы не можете забрать ее у меня.

– Мы никогда не забираем ребенка из семьи без достаточных на то оснований. Думаете, вы первая мать, роняющая слезы в этом кабинете?

И вправду, эта тесная комната с одним окном на теневой стороне, где света было слишком мало, вполне могла вместить чье-то горе. Раз за разом, складывая стопками одно на другое. Может, от этого воздух ощущается таким тяжелым?

– Сколько уже здесь было наркоманок, потаскух и мерзавок, покрывающих своих мужей... Алкоголичек. Каждая из них клянется, что любит свое дитя. Некоторые плачут в этом кабинете не по одному ребенку. Кто-то говорит правду, но если есть угроза жизни и здоровью ребенка, мы не можем быть в стороне.

– Вы ведь даже ничего не знаете.

Неужели я пала так низко? Раньше меня никогда не приравнивали к наркоманкам. Я и подумать не могла, что при живой матери моя дочь появится в базах органов опеки. И что с отцом Селене будет безопаснее, чем со мной.

Как я могла допустить подобное? Неужели он был прав, и я не достойна ее?

– Оливия, поймите, у меня нет цели – лишить вас родительских прав. Я хочу разобраться, помочь вам. Я и сама мать. Мать для каждого ребенка, чьи портреты висят в коридоре. Я могу понять, как порой угнетает материнство. Расскажите мне, как вы оказались в таком состоянии за рулем автомобиля в тот день?

Часть I

Декабрь 1999

Невысокая деревянная ограда, усыпанная снегом дорожка. *Нужно будет попросить у отца лопату. Работы предстоит много.* Ключ, с трудом открывающий замок. Облезлые зеленые стены, но только на кухне. Очень даже неплохо. Большие окна в каждой комнате. Теперь у Селены будет собственная: та, что в конце коридора, напротив ванной. Прекрасный рождественский подарок, купленный на последние деньги моих родителей. Они понимали, как невыносима бывает жизнь в родительском доме, где количество человек на квадратный метр превышает допустимое для здоровой психики их дочери и малютки внучки.

– Мы повесим занавески на окна, а здесь, на стене, мы нарисуем портрет Снежного, – сказала я, увидев, как Селена растерянно смотрит на пустую и пыльную комнату. – Здесь будет стоять кровать. А вот в том углу поставим вигвам.

Селена заулыбалась – она всегда мечтала стать индейцем и жить в их хижинах, после того как дедушка прочитал ей сказки этого народа. У нее даже был свой собственный конь белого цвета. Она называла его: Снежный. Этот плюшевый конь неделю назад нашелся в сугробе, когда мы ходили на каток. Он сливался со снегом и был практически незаметен, пока дочка на скорости не въехала в снежную кучу и прямо носом не уткнулась в его мордашку. «Снежный конь! Снежный конь!» – кричала Селена. Так к нему и привязалось такое имя. Он был послан ей рождественским чудом. Теперь еще и вигвам, и собственная комната. Что это, если не чудо?

– А на полотке ты нарисуешь звезды? Правда, мама? Будет здорово!

Селена расхохоталась и принялась бегать по комнате, размахивая игрушкой из стороны в сторону, воображая себя индейцем.

– Вперед, Снежный! Цок-цок! Вперед!

Я же еще раз посмотрела по сторонам. Потолок требовал побелки, дверь была снята с петель, и вдобавок ко всему, сквозило со стороны окна. *Какие окна, такие и щели.* С ужасом поняла, что я вряд ли смогу управиться до рождества. По крайней мере, одна. *Завтра же начну работу. Уж до нового года я справлюсь.*

Около пяти у дома загремел грузовичок. Он должен был приехать часом раньше, поэтому мы с Селеной уже дожидались у входа. Интересно, что могло задержать его? От дома родителей ехать три улицы направо и еще две налево, минуя начальную школу. Наш городок слишком мал, чтобы заставлять кого-то ждать. И, тем не менее, он все же был здесь, хоть и спустя час. Сначала проехал мимо, потом дал заднюю и резко подъехал к входу, одним колесом задев бордюр.

– Прости, Оливия, но твоя мать – сумасшедшая женщина! – Оправдывался дядя Валя, выпрыгивая из кабины грузовика. – На кой тебе понадобилось это дерево? Столько возни из-за каких-то веток! – Он достал ключи из кармана и ловким движением руки вверх открыл грузовой отсек. – «Аккуратно, только не тряси его! Оно любит ласку. Зафиксируй! Вези его медленно!» Да какая разница, оно все равно в ящике, что ему будет? – Он залез внутрь, раскинул пандус и медленно начал спускать по нему деревянный ящик размерами чуть больше Селены.

Мама действительно позаботилась о его доставке.

– Спасибо, дядя, это очень важно для меня, – сказала я, слегка улыбаясь, не отводя глаз от ящика, обмотанного пуховым одеялом.

– Если бы твоя мать не пекла такие вкусные пироги, я бы так и не понял, как мой брат столько лет выносит ее. – Он выкатил ящик, после чего вернулся с парой черных сумок и

бросил их на снег. – Посмотри в ограде, кажется, я видел здесь тележку. Закачу это чертово дерево в дом, а после привезу кровать для своей племяшки.

Я послушно выполнила его требования, и когда все вещи были перевезены, на часах еще не было и семи. Я подошла к ящику, стоящему в центре просторной кухни, убрала одеяло, оголив фанерный лист, вырвала несколько гвоздиков, держащих всю конструкцию на плаву, после чего четыре стенки рухнули на пол – каждая в своем направлении. Благо, крышка осталась в руках, не успев прибить растение своим падением. По кухне моментально разнесся запах цитруса и зелени. Набрав полные легкие, я закрыла глаза и услышала аромат родного дома. *Здесь мы будем счастливы. В своем собственном доме. Только мы вдвоем.*

– Мамочка! – Селена потянула меня за руку. – Листочек упал! Два листочка. Три!

Я напряглась. Конечно, я понимала, что зимний переезд вряд ли пойдет Лимону на пользу, но расстаться с ним не могла. Это восьмилетнее дерево с яркими желтыми плодами было со мной слишком долго – мой лучший друг, моя отдушина. Мы посадили его вместе с мамой из побега ее любимого лимонного дерева – того, что росло в зимнем саду уже так давно. *Кажется, всю мою жизнь.* Посадили за месяц до моего отъезда в институт. Оно разрослось и стало давать по-настоящему сочные плоды, когда родилась Селена. Мы были связаны с этим деревом больше, чем могло показаться на первый взгляд. Наверное, глупо привязываться к материальным вещам настолько сильно, но в нашей семье подобное было в порядке вещей. Некого рода помешанность всегда была присуща Муссонам.

– Давай переместим его в зал? Ему здесь не место, – я обратилась к Селене.

Я не могла позволить, чтобы перепады температур на кухне уничтожили восемь лет моей жизни. Поэтому я велела Селене раскрыть двери в зал и придержать их, пока я пытаюсь аккуратно дотащить дерево в комнату и поставить на пол между окном и креслом, оставленными прошлыми хозяевами. *Там тебе будет комфортно.*

Я посмотрела на дочку, которая все еще ответственно придерживала дверь.

– Можешь ее отпустить, чудная. Наверное, ты голодна? Как насчет прогулки до магазина? Купим какао на утро и что-нибудь для ужина.

– Ура! – Она побежала к входу, быстро нацепила куртку и нелепо обмотала шею шарфом. – Мама, ты идешь? А какао мы купим с зефирками? Снежный любит с зефирками.

Конечно, мы могли отправиться на ужин к моим родителям. Кухня была грязной, да и весь дом был в пыли. Что я могла приготовить ребенку в таком беспорядке? Сегодня обойдемся едой на вынос в «Кафе на туманном берегу». *Две большие порции картошки и два молочных коктейля, пожалуйста. Больших коктейля.* К родителям мне не хотелось, пора уже жить собственной жизнью.

К десяти мы с Селеной вымыли ее комнату. Я постелила ей на кровати, что привез дядя Валя, вложила в руки Снежного и укрыла обоих одеялом.

– Мама, ты ляжешь со мной?

– Да, но только сегодня. Теперь у тебя есть своя комната, больше незачем ютиться со мной на одной кровати.

Ей и вправду уже давно пора было научиться спать без меня. Селена бросила на меня сонный взгляд, я разглядела в нем недоумение.

– Но я не хочу...

– С тобой Снежный, – перебила я, – он защитит тебя. В конце концов, ты же индеец. Еще не выбрала себе имя? Может быть, Большая Трусиха?

Селена улыбнулась, закрыла глаза и погрузилась в сон. Большая Трусиха? *Лунный свет. Богиня ночного неба.* Даже если это имя не в духе индейцев, Селене оно подошло бы как влитое.

Утро

Без толстого слоя жира и пыли кухня заметно преобразилась, став уютнее и светлее. Меня все еще напрягала листовенно-зеленая глянцевая краска на стенах, местами облезая и оголяющая бетон, а еще отсутствие пары ручек на дверцах шкафа и ярко-желтый пластиковый стол прямо в центре комнаты. Но кухня была вполне пригодной для готовки, что, несомненно, радовало. Я подумала, что было бы неплохо покрасить стены в оливковый, который прекрасно будет сочетаться с молочным кухонным гарнитуром и моим именем. *Я все еще чужая в этом доме.* Наверное, мне до сих пор не верится, что он мой. Возможно оттого, что запах прошлых хозяев все еще витал в воздухе.

Закончив уборку, я бросила тряпки на стул рядом и, облокотившись на стену, созерцала, как солнце начитает стремительно подниматься вверх.

Трр... Трр... Я вздрогнула от резкого звука, который издал мой мобильный.

– Оливия? Тебя нет дома. Мама говорит, что ты переехала. Я ее не понимаю. Это правда? Услышав голос сестры, я присела и сделала глубокий вдох, прежде чем ответить.

– Привет, Кристина. Да, мама не врет. Ты же знаешь, что она никогда тебя не обманет.

– Так значит, это правда? Но это же... Опасно! Ты так далеко от дома, ты должна срочно вернуться!

– Я переехала на пару улиц дальше от дома. Все в порядке, я буду навещать тебя...

– Но... Это опасно, опасно! Что, если ты не успеешь вернуться, когда все начнется? Мне даже подумать страшно!

Я провела ладонью по лбу, растягивая кожу, чтобы снять напряжение.

– Все будет в порядке, Кристина! Я обещаю, что даже конец света не разлучит нас с тобой. Когда придет время, мы с Селеной будем рядом. Я обещаю... Обещаю, слышишь меня?

Я положила трубку, услышав, как Селена хлопнула дверью в ванной. *Завтрак.*

– Омлет на скорую руку, с базиликом и томатами! – Грандиозно произнесла я, когда Селена зашла в обновленную кухню.

Сначала она просияла, увидев совершенно другой вид, но услышав меню на завтрак, скривилась так, как умеют только дети. До умиления безобразно. Но все же уселась за пластиковый стол и со скрипом пододвинула его до упора к своей груди. Я подала завтрак, сварила какао и посыпала его зефирками, которые стремительно начали таять в нем, как неожиданный снег в мае.

Солнце уже было достаточно высоко, чтобы заполнить всю кухню золотым светом. Я наблюдала, как лучи разбивались о рельефные оконные стекла, создавая замысловатый узор на стенах, на столе, на моей дочурке и Снежном, сидящем рядом со своей чашкой какао. Я думала о том, как здесь тихо и спокойно. Думала, как нам здесь будет хорошо, в тишине...

Оливия

Большую часть своего детства я провела в самодельном бункере, который выкопал мой отец. У меня никогда не было своей комнаты, я всегда должна была делиться с Кристиной, опекать ее и быть рядом. У сестры был бункер. Свой мир, пусть и выдуманный, но все же свой. У меня же была Кристина.

Мне было двенадцать, когда я впервые испугалась собственной сестры. Семилетняя девочка, которая пряталась в школьной каморке. Испуганный, словно одичавший ребенок, который больше походил на зверя, нежели на мою сестру. Она забилась в угол, испугавшись... Да никто уже и не помнит, чего именно. Я хотела подойти и успокоить ее, но сестра в ответ набросилась на меня с диким криком и впиалась ногтями в лицо, оставив мне продолговатый шрам от уха к виску. *Она не узнала меня.* Как и я больше не видела в ней той милой девочки, что еще утром впервые села за школьную скамью.

С тех пор Муссоны хранят ее в тайне. *Привет, моя сестра сегодня не придет в школу. Она больна. Очень... Ветряная оспа, ангина, аллергическая реакция. И по итогу: Кристина слишком слаба, чтобы посещать школу. Какие-то проблемы с иммунитетом.* Мне приходилось врать. И хоть она и вправду была больна, ее недуг не был физическим. Он витал в воздухе, но никто из нас никогда не произносил его название. Так было принято.

Мы никогда не обсуждали ее болезнь дома. Вне дома подобное тоже было непозволительно. Мы общались сочувственными взглядами, смиренным молчанием и усталыми улыбками. Каждый из нас все понимал, и каждый, привыкнув, по-своему участвовал в этом спектакле.

Местные дети же называли ее чудовищем.

Говорят, в доме на большом перекрестке, в том самом – с высоким кирпичным забором, – живет чудовище. Девочка-вампир, которая никогда не выходит днем. Говорят, ночью, если незаметно прокрасться к забору с другой стороны дома и найти дыру в нем, то можно увидеть, как кто-то со скрипом открывает гигантский железный люк, из которого доносятся прекрасное детское пение. Она живет под землей, представляешь? Ее держат там, как в темнице. Боятся, если девочка выберется, наш город будет обречен. Съеден. Вот так!

Я услышала эту историю от мальчика, когда сидела в приемной врача, ожидая своей очереди. Тогда мне уже исполнилось семнадцать. Пять лет прошло, и история постепенно обростала все новыми и новыми деталями. Через год кто-то сказал, что видел, как она ходила по участку, закованная в цепи. *Видно, чтоб не сбежала.* Кто-то уверял, что слышит дикий крик по ночам. *Я сначала не понял, откуда этот звук. Потом прислушался, опустился на траву и прижал ухо к земле. Мне никогда не было так страшно. Я слышал крик – ее крик. Он был настолько громким, что трава вокруг колыхалась.*

Рождество 1999

Двадцать четвертое декабря – день, когда тысячи католиков собираются за большим обеденным столом в кругу своей семьи, накрывают на стол традиции в виде индейки, сладкого картофеля и гигантского рождественского пудинга. По улицам через открытые форточки кухни разносится аромат имбирного печенья, минуя пустые магазины, путаясь в бесконечных нитях цветных фонариков.

Но и православный Таймун в этот день не лишен праздника. По крайней мере, семья Муссон с самого утра не сидит без дела. Я фарширую утку, аккуратно заполняя ее нутро яблоками с клюквой, мама возится со своим фирменным лимонным пирогом, Селена усердно натирает серебро. И даже Кристина сегодня с нами: она сидит рядом с радио, которое постоянно скачет с одной волны на другую, отчего она нервно бросает картофельные очистки в ведро, после чего аккуратно разрезает картофелину на четыре части и плюхает их в воду. Порой она кажется счастливой – в особую секунду, которую я успеваю растянуть, чтобы увидеть в этой девушке со впалыми скулами и синим ореолом глаз свою сестренку, чей взгляд еще не поражен вирусом паранойи.

Рождество и бабушкин день рождения слились воедино под взгляды недовольных соседей, каждый год с презрением подглядывающих сквозь полупрозрачные тюли на окна своих домов. Наблюдающих, как Муссоны собираются вместе, тревожа их невзрачные жизни под сопровождение джазовой пластинки.

Сегодня бабушке семьдесят четыре года, двадцать из которых она встретила в доме своего сына. Хрупкая старушка с длинными седыми волосами, густота которых по наследству передалась мне, а потом уже и Селене. Одетая она была в бархатное платье цвета баклажана, в руках держала маленькую сумочку, поверхность которой полностью покрывали жемчужные камни. Войдя в комнату, она передала сумочку мне, и я успела заметить ее маникюр – красный лак, небрежно затекший на кутикулу.

Я восхищалась бабулей. Даже в свои годы она, как могла, старалась держать планку, не позволяя себе появиться на людях в неухоженном виде. Причем, где угодно: в кругу семьи, в больничных палатах, в которых последнее время она и обосновалась, или же в таком неприметном городишке как Таймун. Она всегда была «при параде».

– Оливия, плесни бабушке джина. Я слишком долго добиралась в это захолустье. – Она уселась на кресло и, как полагается старому человеку, скинула с себя туфли. И бормоча себе под нос, чтобы поторопиться, стала наблюдать за тем, как стол постепенно наполняется едой. – Я могу помереть в следующую минуту и так и не отведаю эту прекрасную утку.

Наконец на стол было накрыто. Мама надела свое выходное платье, купленное еще в начале девяностых, а отец затянул галстук потуже, видимо, чтобы отвлечь внимание от брюк, уже давно переставших сходиться в поясе. Дядя Валя с супругой, их сынишка Саша, а еще мамин кузен со своей новой пассией уже удобно разместились за столом. Не было только Кристины, которая усердно пыталась отыскать удлинитель, чтобы протянуть радио ближе к себе.

– Ей богу, Кристина, если родители завтра же не купят тебе современный радиоприемник, я лично придушу их этим удлинителем! – Не выдержала бабуля именно в тот момент, когда Кристина зашла в комнату, держа в руках большую красную говорящую коробку, следом за которой тянулся длинный потрепанный провод. Она изрядно нервничала, но ни за что не огорчила бы бабулю своим отсутствием.

– Если что-то случится, они обязательно обмолвятся. Нужно быть начеку. Я настроила нужную частоту и...

– Кристина, сядь, пожалуйста.

Наконец балаган стих, и папа произнес тост, который не менялся последние лет так пять. *Что-то вроде: «Долгих годов жизни, здоровья, мы тебя очень любим».* После чего преподнес своей матери небольшую бархатную коробочку, в которой лежало очередное нелепое украшение, которое бабуля никогда бы не надела. И когда с официальной частью было покончено, а утка, казалось, остыла, все с ужасом обнаружили отсутствие приборов на столе. *Как бы бабуля ни пыталась создать идеальный момент вокруг себя, в нашей семье кто-то обязательно должен был забыть про вилки.*

Вскоре ужин подошел к концу, и, прикончив остатки маминого пирога, гости постепенно начали расходиться, не дождавшись обещанного салюта. Остались самые стойкие – те, кому некуда было спешить, любители джина, сплетен и душевных разговоров, которые обычно утекают совершенно не в то русло.

– Мне предложили работу в «Кафе на туманном берегу». Пока, правда, уборщицей, но одна из официанток скоро уходит в декрет, и мне обещано ее место. Собираюсь приступить сразу после нового года.

– Не с твоим образованием, Оливия. Ты серьезно думаешь, что с дипломом технолога я позволю тебе мыть полы в закускойной?

– Незаконченным образованием, бабуля...

– Твой бывший муж – один из директоров «Таймун Индастриз», неужто у него не найдется вакансии для матери своего ребенка?

– Я не стану просить его.

– Гордая, значит? Конечно, уж лучше позорить свою семью, чем переступить через себя. Бедная Селена, на что ей такая мать никудышная свалилась? И я уже с ним говорила.

– Что? Да как ты...

– Мы созванивались, чтобы обсудить новогодний подарок для Селены. Он сам спросил, работаешь ли ты, и обмолвился, что им на завод в связи с увеличением масштаба производства нужен помощник технолога.

Несите мне джина. Двойную порцию.

– Бред какой-то. Мы с Марком на дух друг друга не переносим.

– Послушай, девочка, в Таймуне просто нет людей с таким образованием, как у тебя. Сколько ему еще ждать хорошего специалиста? Пусть ты и не окончила университет, но он знает, как ты хороша. Это отличное стечение обстоятельств, и ты не вправе отказаться. Тем более, я уже сказала, что ты будешь рада такой возможности.

– Ни за что, бабуля, даже не смей втягивать меня в это! Наверное, все здесь забыли, что именно из-за него я бросила университет? Папа, что ты молчишь?

Отец сочувственно поднял глаза и после небольшой паузы ответил:

– Все наши последние деньги ушли на дом, Оливия, мы больше не можем помочь тебе. Сколько ты зарабатываешь, натирая полы в закускойной? Я думаю, ты должна хорошенько подумать. Подумать, прежде всего, о Селене.

– Подумать... Спасибо за прекрасный ужин. Пожалуй, я помогу маме на кухне.

Я забрала с собой пару пустых бутылок от вина и, не сдержавшись, с силой швырнула их в урну. Мама, в этот момент вытирающая со стола, ахнула и сердито уставилась на меня.

– Не смотри на меня так. Я знаю, что не справляюсь... Нужно будет как-то намекнуть твоему кузену, что выбор алкоголя явно не его конек. – Я пыталась сменить тему, у меня больше не было сил чувствовать себя безнадежной.

– Порой наша жизнь – как вино с винтовой крышкой. Идея та же, но в чем прелесть, если больше не нужно прилагать усилий, чтобы открыть его? Да и на вкус чаще всего дерьмо. Порой лучше действительно взяться за штопор, чтобы избежать кислого запаха спирта.

Я посмотрела на маму и устало улыбнулась. *А что, если больше нет сил? Что, если мне всегда суждено вдыхать этот запах?*

– Я помогу с посудой.

Я открыла кран, который тут же брызнул застоявшейся водой ржавого цвета, наконец приведя меня в чувство. *Черт бы его побрал!* Приведя в чувство туалетной тряпки. – Мама, что у вас с фильтром?! Мы же меняли его в этом месяце.

– Боже мой! С тех пор, как ты уехала, такое часто случается. Я просила отца посмотреть, но ты же знаешь его... – Она передала мне полотенце.

– Странно...

Я спустилась в подвал, сняла крышку с резервуара с водой. Помню, как Марк настоял на покупке хорошего фильтра в этот дом. *Одна из действительно полезных вещей, сделанных им.* Вода и вправду перестала издавать болотный запах, она стала мягче, а мамины лимоны и вовсе, казалось, зажили новой жизнью. Но теперь что-то не так. Меня сразу же настиг жуткий запах железа с нехилыми такими нотками тухлятины. *Какая мерзость.*

– Ну что там?

– Засор. Утром позвоню сантехнику. Надеюсь, выяснит, в чем дело.

– Это все вода. Настолько загрязнена, что фильтры не выдерживают, – тревожно сказала Кристина и выдернула провод от радио из розетки. После чего поцеловала бабулю, вышла на улицу и громко хлопнула тяжелой железной крышкой.

Около полуночи в небе начали ярко сверкать салюты, которые разносились глухим эхом по улицам, вдаль по реке отражаясь неоновым светом в ее водах. А я думала о Кристине: в такие моменты ее никогда не было рядом. Думала о бабуле, которая, вероятно, была права. Думала о дочурке, которая замороженно смотрит в небо, держа меня за руку. *У нее впереди целая жизнь.* Думала о том, смогу ли я переступить через себя ради нее.

26 декабря 1999

Сумка уже была собрана и одиноко лежала у входа. Мы с Селеной доедали свой завтрак, когда на улице послышался звук мотора, а после – глухой хлопок. И в окне теперь можно было наблюдать мутный силуэт мужчины, который стремительно приближался к дому. *Он здесь.* Сердце забилось быстрее и замерло ровно в тот момент, когда раздался стук в дверь.

– Привет, Марк. – Я открыла дверь, уронив за порог глупую улыбку.

– Папа! – Селена вскочила со стула и бросилась к отцу, будто не видела его целую вечность. А ведь прошло-то не больше двух месяцев.

– Готова?

– О нет! Я, кажется, оставила Снежного в комнате! Буду через минуту.

– Кто такой Снежный? – Непонимающе спросил Марк.

– Тебя ждет удивительное знакомство. Поверь мне.

Марк улыбнулся, уверенно облокотился на стену и пристально посмотрел на меня.

– Думала над моим предложением? Наш помощник технолога слегла с какой-то жуткой болезнью. Лечение будет долгим, и никто не знает, эффективным ли. Но завод не может ждать так долго. Готова приступить с января?

– Послушай, Марк, я уже говорила бабуле и скажу тебе лично: не думаю, что это хорошая идея.

– Почему же? У тебя отличная подготовка. В Таймуне можно по пальцам пересчитать людей, прошедших обучение в Гристоунском университете. И все они уже устроены на завод. – Марк по-доброму улыбнулся.

Этот мерзавец знает, что делает. Марк всегда умел обаять людей, будь то коллеги, злые соседи или же мои родители. Да и сама я долгое время была околдована его чарами.

– Оливия, ты – лучшая кандидатура, и я был бы рад заполучить такого сотрудника в свой штат.

Что-то не так. Отчего он так добр? Может, ему и вправду нужен работник? Я посмотрела на Марка. *Почему я так боюсь его?*

– Папа, мы едем в горы? Снежному там понравится. – Внезапно вернувшаяся Селена сняла напряжение, поцеловала меня в щеку и выбежала на улицу.

– Будь аккуратна! – Но она уже не слышала меня.

– Я привезу ее тридцатого утром, – опять эта улыбка, – не переживай. Все будет отлично. И надеюсь, к нашему возвращению ты уже будешь готова дать ответ? По крайней мере, формулы и отчеты – звучит и пахнет намного привлекательнее, чем половая тряпка. Подумай над этим.

Бабуля никогда не держит язык за зубами.

К вечеру половина дел в доме была сделана: окна утеплены, на них появились ажурные занавески, новые резные ручки на дверцах кухонных шкафчиков тоже были на месте. Завтра по плану поход в строительный магазин за краской для звезд на потолке, и нужно зайти к маме, чтобы взять у нее ткань для вигвама. К приезду Селены будет готов ее сказочный мир, который станет прекрасным новогодним подарком. Ей оставалось быть крошкой совсем немного: осенью она уже пойдет в школу, и если честно, меня это слегка пугает. Поэтому я всячески стараюсь скрасить ее детство. Она уже перестала верить в деда мороза и совсем скоро окончательно перестанет верить в чудо.

Трр... Опять этот противный звук.

– Как ты, детка?

Это была мама.

– Все замечательно. Еще пара рывков, и с косметической частью будет покончено. А сейчас я убираю тряпки подальше. Хватит с меня. – Я так и сделала: бросила тряпки в ведро, достала бокал с верхнего ящика и наполнила его вином.

– Как встреча с Марком?

– Все прошло... обычно. Хотя нет, странно – он был добр. Кажется, Марк больше не злится на меня. Он говорил о работе и улыбался, в какой-то момент я и забыла, что «нас» больше нет. Возможно, и вправду мне стоит согласиться на его предложение. В конце концов, наладить отношения.

– Оливия, что в твоей голове? Марк всегда относился к тебе хорошо, он любил тебя.

– В моей голове... Сама не пойму. Он любил, а я в какой-то момент перестала.

Я помню, когда Селене было чуть больше года – тогда мы жили в Блиссаде. Из окна до меня доносился звук морского прибоя, я сидела в гостиной поздно вечером в компании бокала красного. Марк задерживался на работе: новая должность, командировки. Он должен был прилететь еще утром, но какие-то проблемы с этим злосчастным «Таймун Индастриз». Его постоянно нет. А мои мысли здесь, гуляют в моей голове, открывают ненужные двери. С кем он? Как долго еще это продлится? Осилю ли я четвертый бокал, или же, наконец, откроется дверь, и я увижу его? Я допивала пятый. Буду ли я любить его? Я скушаю или просто потихоньку убиваю себя?

– Доченька, ты уже другой человек. Ты больше не та сумасшедшая девчонка, которая наперекор всему бросила университет и уехала за ним в Блиссад.

– Я больше не та, но отчего-то кажется, что с ним я снова становлюсь той Оливией. И это бесит. Я знаю, что проблема во мне...

30 декабря 1999

Все тот же звук мотора, пара силуэтов за окном: силуэт когда-то любимого мужчины и силуэт нашей крохотной дочки. На какой-то миг меня одолело чувство ностальгии: казалось, что страсть не сменилась безразличием, а трепет в груди – штилем. Казалось, что жизнь тогда не остановилась, казалось – мы продолжили ее вместе. Я боялась своих мыслей и того решения, к которому пришла за время отсутствия дочери и бывшего мужа. Сейчас откроется дверь, и я снова впущу его в свою жизнь. Обниму Селену – крепко, долго, пока хватит сил. Я так скучала по ней, по нам, по этому необъяснимому чувству, которому я не в силах сопротивляться.

День выдался снежный. Лучшим решением было остаться дома, приготовить еды и накрыть на журнальном столике в комнате, включить рождественскую комедию, которую видели множество раз. Мама, увидев сие действие, тотчас возмутилась бы. Еда в комнате? Да, мама, сегодня я могу себе это позволить. Сегодня я сказала Марку: «Да». Помнится, когда-то этим самым ответом я так запутала свою жизнь, что до сих пор за мной продолжает тянуться нитка, которая долго и мучительно пытается высвободиться из тугого узла. Мне придется хорошенько постараться, чтобы не споткнуться об нее.

Фильм уже давно закончился, Селена сидела на полу и раскидывала в разные стороны вещи из чемодана в попытках отыскать все подарки, которые ей вручили. Я в удобной позе уместилась на кресле и наблюдала за тем, как небо становится все более мрачным, в то время как в комнате постепенно становилось более уютно. Лимону рядом явно не нравилась обстановка: казалось, что он вжался листьями в ствол, и если бы у него было лицо, то гримаса на нем была бы крайне недовольной. Ничего, мой друг, это всего лишь зима, мы с тобой переживали более противные вещи.

– Вот он! – Закричала Селена, вытащив из чемодана новомодный музыкальный плеер и несколько кассет к нему в дополнение. – Уже не терпится показать его тете Кристине. Он ловит радио! Ей бы он очень понравился! Тете тоже нужно будет подарить такой на Новый год! Это будет здорово!

– Ох, боюсь, что Кристина вряд ли оценит все эти новшества.

Селена вставила кассету и, прибавив звука, нажала на «play». Заиграло что-то современное, Бритни Спирс вроде:

«Oh baby, baby

Oh baby, baby

Oh baby, baby, how was I supposed to know

That something wasn't right here?»¹

Она вскочила и начала ловко переставлять ноги, кружиться, но быстро потеряла равновесие, упала на пол и расхохоталась.

– Мы с Алисой ходили на танцы почти каждый вечер! Она научила меня делать эти движения, это было весело. Мама, ты непременно должна попробовать!

– С Алисой?

– Да, давай, вставай. Я научу тебя.

Дочурка поднялась и скинула с меня плед, в котором было так тепло и комфортно. И вот я уже выполняю какие-то глупые движения под не менее глупую музыку.

– Ой, все, у твоей бедной матери больше нет сил.

– Мама, ты такая скучная! Тебе тоже нужно сходить с нами на танцы!

¹ «О, малыш, малыш. О, малыш, малыш. О, малыш, малыш, откуда мне было знать, что что-то не так?» – Слова из песни Britney Spears «One more time»

– Дорогая, а кто такая Алиса?

– Подруга папы. Ах да, она подарила мне это! – Селена указала на шею, на которой блеснул небольшой золотой кулон в форме ангелочка.

– Очень красиво. – *Вкус у нее явно есть.* – Так значит, у папы появилась подружка? Она тебе понравилась?

– Алиса очень красивая и веселая. Они с папой пообещали взять меня с собой на море в марте. Можно? Это было бы здорово!

Январь 2000

За моей спиной со скрипом закрылись огромные железные ворота метра под два, а может и больше. Я миновала парковку и, проходя мостик, что соединял правый и левый берега, сделала остановку и оглянулась. Моему взгляду предстал завод во всей красе: пустырь, на нем гигантская железная коробка (по-другому и не назовешь), несколько труб, из которых клубами валит дым, вдали виднеются карьеры, на которых уже трудится вторая смена. Красные грузовые машины, которые как муравьи разбегаются в разные стороны, отсюда кажутся совсем крохотными, словно игрушечными. Я помню, как в детстве мы бегали в это место тайком. Тогда, конечно, все было иначе: не было ни красных машин, ни ворот, ни поста охраны, и тем более – этой жуткой дымящей коробки. Помню, как здесь только начали рыть первый карьер, помню деревянную ограду и двухэтажное кирпичное здание, горы кирпича на улице и невзрачную вывеску: «Строим будущее вместе». Так и произошло. В будущем наш местный керамический завод обрел новое название: «Таймун Индастриз», в город пришла работа, и на пару тройку лет в Таймуне наконец воцарилась вера в город и свое будущее.

Я спустилась с мостика и сразу же оказалась на автобусной остановке. Автобус должен был прибыть уже через пару минут, чтобы скорее развести уставшую первую смену по домам.

– Подвезти? – Я услышала голос и обернулась. Марк сидел в черном мерседесе и смотрел на меня сквозь чуть опущенное стекло.

– Боюсь, мне стоит привыкать к местным порядкам, – я указала на подъезжающий красный автобус.

Марк вышел из машины, обошел ее и открыл для меня дверь:

– Еще наездишься на этом ведре.

– Хм. Ведре? Здорово, наверное, тебе на мерседесе, в то время как твои работники...

– Я – начальство, мне положено. – Марк улыбнулся, а я, сдавшись, прыгнула на кожаное сидение. *Неплохо, совсем неплохо.* – Не привыкай. Я редко бываю на заводе, можно даже сказать – и вовсе не бываю. Просто сейчас компания испытывает небольшие сложности.

– Поэтому ты в Таймуне?

– Да, но это дело времени. На самом деле все почти решено. Не бери в голову.

– Где ты остановился?

– В отеле за городом. Знаешь, я рад, что мы снова вместе, – опять эта улыбка, – работаем вместе. Может, как-нибудь пообедаем, пока я здесь?

– Пообедаем? – Переспросила я. Он кивнул в ответ, и я согласилась: – Хотя, знаешь, а давай.

Мы давно не общались. Отчего-то мне хотелось знать, как он живет, с кем? Сейчас в машине Марк не казался мне чужим, как раньше. Тогда, в прошлом, я сама оттолкнула его. Но почему? Не могла сопротивляться его взгляду? Тому безумию, что творилось в моей голове? Кажется, в прошлом я разбила ему сердце, отчего сейчас мне было страшно, что он тревожит мое.

– Эльвира, наш главный технолог, хорошо о тебе отзывалась сегодня. Правда, она не заметила, чтобы ты воодушевилась процессом изготовления кирпича, но оценила твои старания.

– Она права в каком-то роде.

Я подумала о сегодняшнем дне: новый выданный белый халат, собственный рабочий стол, пропуск в лабораторию – хоть мне и в основном предстояла бумажная работа, но эта ламинированная карточка придавала ощущение значимости. Начальство – бывший муж, отчего я

уже успела поймать на себе парочку неприязненных взглядов. *Я знала, что так и будет.* Хороший оклад, очень даже – все это, кажется, стоило скучного и пыльного процесса.

Мы приехали так быстро.

– Ой, сверни направо, пожалуйста. Селена сегодня у родителей, нужно будет ее забрать. Можешь меня высадить прямо там, мы пройдемся до дома.

Марк послушно выполнил все мои требования, вышел из машины и открыл мою дверь. После чего я коснулась его руки, впервые за несколько лет, отчего мое лицо налилось красным и сердце забилося... *Совсем как раньше.*

– Ты не зайдешь?

– Нет, уже поздно, а мне еще нужно добраться до отеля.

– Тогда, до завтра?

– Селене привет. Скажи, что я люблю ее.

Она и так это знает.

Он вернулся в машину и меньше чем через минуту скрылся из виду. Дышать сразу стало легче.

Ночью я не могла уснуть. Я зашла на кухню, вновь открыла верхний ящик и достала оттуда бутылку красного вина. Один бокал. Это безумие, кажется, я снова схожу с ума. Я придаю всему слишком большой смысл. Воспоминания – яд, который разрушает меня. Я снова ступаю на те же грабли, я понимаю это. Но почему не могу остановиться?

Две недели спустя

Я не видела Марка уже две недели. Он будто исчез, растворился. Казалось, я выдумала его и предстоящий обед. И тот момент в машине, все те эмоции тоже были неправдой. Но правдой оставалось то, что я не могла забыть его ни днем, ни ночью. Я вспоминала его за ужином, вспоминала в ванной, вспоминала каждый раз, когда смотрела в глаза своей дочери. Мои чувства были настоящими, пугающими меня, непреодолимыми, хотя я больше не старалась противиться им. Меня не покидало чувство оцепенения, я буквально сжималась вся и не могла дышать, когда проходила мимо его пустующего кабинета. Я с надеждой заглядывала сквозь жалюзи на окнах, но его там не было.

Сегодня на заводе шумно – больше, чем обычно. Рабочие суматошно бегают из цеха в цех, а на моем столе с утра появилась гигантская стопка бумаг, которые предстояло внести в систему.

– Эвелина, что происходит?

– Марк звонил – к нам едет проверка и начальство с зарубежными партнерами. Нужно управиться до утра. Так что, давай без лишних вопросов. Видела бумаги на столе? Давай за дело.

– Но это невозможно! Такой объем работы – я не управлюсь до конца смены!

– Я же сказала, что нужно управиться до утра. Возьми себя в руки, черт возьми, и марш работать!

На часах было уже девять тридцать, когда я, наконец, почувствовала на себе солнечное тепло, которое искорками отлетало от кучи снега на улице. Холодно не было, хотелось пройтись, но я не могла позволить себе задержаться еще дольше. Я спешила забрать Селену у родителей и скорее увести ее на школьную экскурсию. Честно, я даже не помнила, какой теме она посвящена. Голова словно стала хранилищем для всех тех бумаг, что я разобрала сегодня.

Я прошла мимо КПП, где Давид – охранник, который изо дня в день слушает скрип этих высоких железных ворот, – посоветовал мне скорее направиться к автобусу и не обращать внимания на сумасшедших, которые торчат у завода с самого рассвета.

Сумасшедших? Я вопросительно взглянула на него.

– Просто будь аккуратна.

Дверь распахнулась, и я сразу заметила их – небольшую группу людей, человек семь или десять, преимущественно женщин. Они держали в руках громкие плакаты и кричали так же громко. К сожалению, мне не удалось разобрать слов. Увидев меня, они стали громче, ярче. Будто я сухое полено, брошенное в костер.

Девушка с темным каре казалась опасней всех остальных – ее взгляд был направлен строго на меня. Ее руки нервно смяли листовку, которую она затем бросила в мою сторону, как мусор в урну. Какого черта тут происходит?

– Эти ряженые заявляются сюда каждый год перед проверкой. Не беспокойся, скоро их тут не станет, – произнес мужчина, догнавший меня, когда я уже подходила к автобусной остановке.

– И что же им нужно?

– Говорят: не место заводу в Таймуне. Беспокоятся об экологии. Третий год уже, как по расписанию, на одном и том же месте. В прошлом году и вовсе разбили здесь лагерь.

– Так мы же используем замкнутый цикл производства? Все в рамках нормы. Чем им не угодил «Таймун Индастриз»?

– Сразу видно, что ты здесь новенькая. Технолог, я так понимаю? – Мужчина улыбнулся и протянул мне руку. – Виктор. Я водитель, езжу по мелким поручениям и все такое. Ничего особенного, честно говоря.

– Оливия, – сказала я и протянула ему руку в ответ, – приятно познакомиться. Можно сказать, что ты первый человек, с которым я здесь познакомилась. Не считая Эльвиры и...

В этот момент я увидела, что у остановки притормозил знакомый мерседес, стекла на дверцах которого начали медленно опускаться.

Черт! Я так сжала руку Виктора, что он не мог не заметить мое напряжение.

– Наверное, это за тобой?

– Думаю, что да. – Я разжала его руку, одновременно чувствуя стыд, радость и легкое недомогание внизу живота.

– Подвести? – Произнес Марк, после чего приветственно кивнул моему собеседнику.

– Было бы неплохо.

И вот он снова рядом, на расстоянии вытянутой руки. Мне хочется коснуться его, как раньше, но я сдерживаю себя и свои мысли. Мы едем за Селеной. Она обрадуется, увидев его. Боже, как же мне порой больно, что ей приходится проходить через все это! Всегда одного нет рядом, всегда чувство пустоты внутри, неполноценности. Я знаю это со слов мамы – она росла без отца и знала, о чем говорит. Боже, как же она была права. Мама предупреждала, но я не послушала ее, и теперь за все расплачивается Селена.

– Как прошел день?

– Серьезно? Где ты пропадал? Неужели ты не в курсе, что вся первая смена работала сегодня в ночь, чтобы привести все в порядок? Селена опять ночевала у мамы. Мы не ради того переехали, чтобы она вновь жила в страхе, слушая бредни Кристины.

– Прости. Мне правда очень жаль, что так вышло, но это моя работа. Если ты помнишь...

– Да. Ты постоянно пропадал.

– «Я ждала тебя к ужину, и если ты видишь на нем заветренную корочку, то вероятно ищи меня в баре за углом. За каким по счету бокалом – зависит от степени твоей наглости», – процитировал Марк мои слова, оставленные на записке вроде как в девяносто втором.

– Тогда я прилично потратилась, и набралась тоже прилично. Марк, ты слишком дурно на меня влиял. – *Хотя может, и до сих пор влияешь, вспоминая эти строчки из моей прошлой жизни.* Марк неодобрительно посмотрел на меня. – Как ты можешь это помнить?

– К сожалению, я помню все. Помню даже сумму, которую ты оставила в том баре. Что ты вообще пила в тот день? Что-то года сорок пятого?

Я рассмеялась. Ведь я вдруг тоже вспомнила тот день, когда мы только переехали в Блиссад. Мне было скучно сидеть без дела. Молодая жена перспективного мужчины: и на что она обречена? На солнечный удар от дней, проведенных на пляже; на сухость кожи от морской соли; на обеденный сон и выбор хорошего вина в магазинчике рядом с домом для ужина, который, вероятно, провела бы в одиночестве. А потом я поняла, что вспомнила не конкретный день – я вспомнила все дни, проведенные в этом душном морском городе, в таком же душном, как и наш брак. Но отчего я вспоминаю это с такой ностальгией? Отчего мне приятно вдруг думать о нас?

– Завтра у тебя выходной, – Марк сменил тему. – Отдохни, проведи время с Селеной.

– Было бы идеально.

– И может, вечером ты найдешь время для ужина?

Я не смогла сдержать в себе радости:

– Мне повторить последнюю фразу?

– Было бы идеально, – повторил мои слова Марк. – Тогда встретимся в восемь, адрес пришлю сообщением.

Вечер следующего дня

Выгляжу я восхитительно. Почему я так редко позволяю себе это? Мне нравится, как мое тело облегают шелковые черные нити, нравится, как сидит на мне это платье с вопиющим вырезом до пупка. Нравится мое тело, отсутствие белья на нем. В любой момент мои прелести могут выбраться наружу. Ну и что с того? Это только заводит.

Перед входом в ресторан я почувствовала, как мои губы пересохли от слишком интенсивного дыхания. Я уже вижу Марка: он сидит спиной к окну. Такой красивый. Я достала из сумочки помаду кораллового оттенка и пальцем небрежно увлажнила свои губы. Я не спешила заходить, наблюдала за ним через окно: как он вежливо общается с официантом и смотрит на часы каждую минуту в ожидании меня. *Волнуется*. Все повторяется снова, и я рада такому ходу событий. Я вновь та, что была готова на все ради этого мужчины. Вновь та Оливия, которой нет дела до остального: семьи, образования, самоуважения. *О, черт!* Марк заметил меня, после чего я как дурочка помахала ему сквозь окно. *Неужели он видел, как я наблюдаю за ним?*

– Прости, я немного задержалась.

Марк обнял меня и нежно поцеловал в щеку. Ничего особенного, но этот официальный жест совершенно вывел меня из равновесия. Его парфюм, новый, совершенно не знакомый мне раньше, наполнил мои легкие. Такой терпкий и сладкий – как и сам Марк.

– Надеюсь, ты заказал вина?

Мне срочно нужно выпить.

– Конечно, красное сухое? – Он улыбнулся, я кивнула и растянула уголки своих губ в ответной улыбке. *Он помнит*. Марк наполнил бокал.

– Я рад, что ты пришла. У нас есть прошлое, и я думаю, настало время наконец принять его. Мы так отделились друг от друга, что совершенно иррационально для нас. И я...

– Марк, прости меня. Я только сейчас начала осознавать, какую ошибку допустила и... Мы ждем кого-то еще? – Я заметила на столе лишний набор приборов. Марк смутился и на пару мгновений остановил свой взгляд на моих глазах, после чего сделал большой глоток вина.

– Позволь мне продолжить. Нас многое связывает, Оливия, у нас есть дочь, и мне больно от того, что наши отношения такие – чужие и обязательные. Мне искренне хочется это исправить. Ради Селены и ее будущего.

– Ради Селены, – вторю я и сопровождаю свои слова тонким звуком хрусталя наших бокалов. *К чему он ведет?*

– Селена же уже проболталась насчет поездки в марте?

Я киваю.

– Видишь ли, мне бы очень хотелось, чтобы между нами все оставалось предельно честным. – Марк пригубил вина и продолжил: – Мы с Алисой вместе уже больше полугода...

Я бросила взгляд на пустующее место рядом. *О нет! Мы ждем ее? Он ждал ее! Смотрел на часы и думал о ней. Вот же я дура!*

– ...и на это рождество она согласилась стать моей женой. Мы решили не ждать долго, и поэтому уже в марте в Сорренто состоится наша свадьба.

У меня ком встал в горле.

– Будет только семья, мы снимем небольшую виллу на берегу и проведем там целый месяц. Мне хотелось представить тебе эту информацию иначе, но по всей видимости, Алиса не нашла в себе сил прийти сегодня.

Как я ее понимаю.

– Очень важно для меня присутствие Селены рядом в этот день. И я надеюсь, что ты отнесешься с пониманием и отпустишь ее со мной.

– В Сорренто? В Италию? На месяц? – *На его свадьбу, где целый месяц Селена будет пребывать в среде любви, где ее отец любит не ее мать?* Мне хочется кричать, начать истерику, выплеснуть содержимое бокала ему в лицо, но я держусь, подавляю в себе рвотный рефлекс. *Отчего вкус вина стал таким мерзким?*

– Это все, о чем я сейчас думаю. Я всегда мечтал об Италии.

Я знаю.

– Мы не могли позволить себе Италию. Мы позволили себе берег Блассада, спонтанность, интимность, позволили быть собой, быть смелыми и безбашенными.

– А еще мы позволили себе клятвы, – тоскливо произнес Марк.

– Которые нарушили, – с сочувствием добавила я.

Еще минуту мы молча смотрели друг другу в глаза. Пока официант не нарушил тишину:

– Вы готовы сделать заказ?

– Да, – всколыхнулся Марк. – Здесь очень вкусные стейки из семги со сливочным соусом.

– Прости, но я не голодна.

Марк отпустил официанта, попросив подойти немного позже.

– Все в порядке?

– Прости, правда. Я не против, если Селена будет с тобой в этот день. Италия – звучит превосходно! Думаю, ей очень понравится.

– Правда? Отчего-то я начал сомневаться в этом.

– Это отличная идея, но мне пора. Обсудим детали позже? Наверное, мне нужно будет написать какое-то разрешение на вывоз ребенка за границу?

– Да, но как же ужин?

– Мне, правда, пора. Ну а ты закажи себе, наконец, этот стейк. – Я встала из-за стола, поцеловала Марка в щеку. – Приятного аппетита.

И ушла.

Девушка с каре

Как плохому настроению удастся так точно выбрать для себя пасмурный вечер? Снежная вьюга – как раз то, чего мне не хватало для моего шелкового платья на голое тело и легкого пальто, предназначенного только для выхода в свет. Такое уместно, когда рядом с домом стоит такси, и тебе стоит сделать пару быстрых шагов, чтобы снова оказаться в тепле. Шелк никак не сочетается с началом февраля. Как и я – одна в новом квартале, построенном для рабочих завода. Его уже начали постепенно заселять: в окнах загорелись теплые лампочки. Их было немного, но они являлись единственным источником тепла среди этой метели, что бушевала снаружи. Хотя, и внутри тоже.

Долго на улице не было никого: ни попутных машин, ни людей, ни животных. Честное слово, казалось, что я начну стучать в двери и просить вызвать мне такси. Мой телефон отключился от холода. Интересно, мой мозг тоже отключился, когда, выйдя из ресторана и заправив туго затянутое небо, я решила, что мне необходимо пройтись и освежить свои мысли?

Не знаю, сколько прошло времени, наверное, немного. Хотя по ощущениям – целая вечность. Я уселась на остановке в надежде, что хоть один автобус должен подойти. Неужели никто не додумается выйти в рейс, чтобы собрать на улицах идиотов, которых угораздило попасть во вьюгу? Не прошло и пяти минут, как сквозь снежную стену я разглядела свет фар, а вскоре и вовсе услышала несколько гудков автомобиля, из которого выбежала девушка и начала активно мне жестикулировать:

– Вы в порядке?

Она подошла ближе. И я увидела молодую девушку в красном пальто и с широкой улыбкой. Ее шапка была усыпана стразами, которые отражали свет фар и ангельски подсвечивали взволнованное лицо, а плотно прижатые волосы то и дело норовили залететь ей в рот, подгоняемые порывами ветра.

– Подвезти вас домой? Здесь жутко холодно!

– Спасибо большое!

Я прыгнула к ней в машину, теплую, я бы даже сказала – обжигающе горячую. Казалось, тело пронизывают сотни иголок: руки, ноги, сердце.

– Кто вы? Мой ангел-хранитель? Я уже думала, так и замерзну на этой проклятой остановке!

– Зато в шелках. – Девушка осмотрела меня с ног до головы. *Наверное, она думает: как эта дуручка оказалась в такую метель одна, да еще и в таком виде?* Я смущенно улыбнулась ей в ответ. – Едем в Таймун, верно? Сразу видно, что вы не местная.

– Верно. Это новый район, и я ни разу не была здесь. Наверное, глупо потеряться в двадцати километрах от собственного дома, где провела все детство. Хотя раньше вроде здесь был рынок, если я не ошибаюсь? Я слышала, что район строят, но даже не думала, что процесс идет такими быстрыми темпами.

– Все верно. У моих родителей была овощная палатка на рынке. В детстве они часто брали меня с собой на работу, а я убегала в лес рядом, построила свой штаб даже. Возможно, он был на месте этого дома, или того. Кто его теперь знает? – Она тяжело вздохнула. – Кстати, я же совсем не представилась. Я – Вероника.

– Оливия, – проговорила я и внимательно взглянула на нее. Кого-то она мне напоминает. Возможно, мы учились в одной школе, или я покупала овощи в палатке ее родителей.

– Рассказывай давай, как ты оказалась на этой остановке, на которой, к слову, останавливается только автобус «Таймун Индастриз» два раза в день? Это же рабочий район, – усмехнулась она.

– Черт! Поэтому ты решила, что я не местная?

– Я и сама живу в Таймуне, точнее – за городом, в деревушке у устья реки. А поняла я потому, что в такую погоду все местные сидят дома. И если кого-то и занесло на улицу, то ему точно необходима помощь.

– Еще раз спасибо тебе огромное. Нам налево, мимо школы.

– И как тебя угораздило оказаться в этом снежном безумии? Дай угадаю: мужчина?

– Точнее, несостоявшееся свидание. Иногда я поражаюсь, как много может придумать одинокая женщина.

– О, дорогая моя, одинокая женщина способна на многое. И то, что творится в ее мыслях, и чувства, что они вызывают – страшная вещь, справиться с которой может лишь только бутылка хорошего вина. Кажется, мы приехали?

– Точно. Ты святой человек, Вероника.

– Оу, не стоит благодарности. Ты работаешь в «Таймун Индастриз»? – Спросила Вероника, увидев, как в моей сумочке мелькнул бледно-голубой пропуск.

– Да, совсем недолго. Я новый помощник технолога. Да где же уже эти ключи?

– Очень интересно. Не спеши, и они обязательно найдутся.

– Нашлись! – Воскликнула я и начала быстрее вылезать из машины, чтобы больше не задерживать Веронику.

– Подожди, возьми это! Прочитаешь, как будет время, – она протянула мне листовку, и я автоматически взяла ее в руки.

– Пока!

– Еще увидимся! – Выкрикнула Вероника и дала заднюю.

В этот момент я вспомнила эту девушку, поэтому, даже не став читать, смяла листовку, как это сделала она вчера утром, и бросила ее в урну. Порой жизнь над нами смеется. В моем случае, кажется, она играет комедию.

Ночь

Мое отражение треснуло и громко рассыпалось на пол осколками. Почему я здесь? Что происходит? Я смотрю перед собой: на капли крови на зеркальном стекле от моего удара по нему. Почему я сделала это? Меня окутывает паника от незнания, беспомощности и боли, что блокирует сознание.

– Черт! – Я бью кровавым кулаком по раковине. – Черт! – Я кричу, и мне страшно.

– Mamочка, все в порядке?

– Да, детка, я сейчас выйду.

Да что со мной не так? Открываю кран, из которого не сразу, но все-таки начинает литься вода темного соломенного цвета.

– Это не моя вина... – С сожалением бормочу я и безуспешно пытаюсь закрыть кран. – Это не моя вина! – Бормотания переходят в крик, руки трясутся и не могут выполнить простейшее действие. Кажется, я теряю себя.

– Mamочка, посмотри на меня! Mamочка!

О нет! Селена еще здесь. Моя дочь – свидетель моего падения.

– Mamочка!

Почему мне так страшно взглянуть на нее?

– Детка, иди в свою комнату, хорошо? Я скоро приду к тебе, – выдавливаю слова из себя, голос трясется, как и изображение вокруг. Я падаю на зеркальную «перину», получая колотые ранения от осколков и ссадины от зеркальной пыли. *Они когда-то были мной. Получается, что я сама себя раню?*

– Mamочка! Mamочка!

Время словно остановилось. Точнее, замедлило свой бег, чтобы я вдоволь успела насладиться этим моментом. Я слышу, как моя дочь кричит, слышу, как она плачет рядом. Я вижу тени за ее спиной. Они внушают опасность. И неспроста, ведь в следующую минуту два черных силуэта уводят Селену в темноту. Она кричит и рвется ко мне, а я лежу, словно ужаленная парализующим ядом.

– Нет! Нет! Нет! Отпустите ее! Селена! – Я кричу, не издавая ни звука.

– Остановитесь! Куда вы ее ведете? – Опять тишина.

– Mamочка! – Раздалось эхом в моей голове.

– Mamочка! – Все отчетливее и отчетливее.

Я закрываю глаза и пытаюсь прислушаться к ее голосу. Веди меня, детка!

– Mamочка! Проснись!

Я открываю глаза и вижу перед собой ее, слегка напуганную, с растрепанными волосами и в мятой ночной рубашке.

– Плохой сон? Ты кричала.

Как же я рада ей – моей путеводной звезде, что вытасила меня из этого кошмара. Я не могу сдерживать улыбки, не могу сдерживать слез.

– Все хорошо?

– Да, детка. Все хорошо, очень хорошо. Иди ко мне. – Селена прыгнула на кровать, и я укрыла ее одеялом. – Просто плохой сон. Просто плохой сон. – повторяю я, пытаюсь убедить себя в этом.

– Но ты так кричала, звала меня.

– Я испугала тебя? – Селена ответила мне согласием. – Прости, детка. Сейчас все хорошо. Больше нечего бояться. Сон ушел, и все плохое ушло вместе с ним. – Я поцеловала ее в

макушку, уловив легкий аромат клубничного шампуня, который терялся среди аромата, что может услышать только мать.

– Как насчет того, чтобы остаться завтра дома и провести весь день в кровати?

– А как же работа?

– Знаешь, вечером я попала в такую метель, что теперь мне жутко нездоровится.

– Правда?

– Нет, но на работе об этом знать не обязаны. Так что давай, закрывай глаза и постарайся уснуть. Завтра будет прекрасный день.

Утром я сделала, как обещала: позвонила Эвелине и, прикинувшись больной, взяла выходной на день. Возможно, это было глупым решением в свете последних событий, но мне все равно. Ночью я больше не смогла уснуть. Так и пролежала в кровати, прижимая Селену к себе как можно ближе, пытаясь осознать, что она рядом. До рассвета я прокручивала в голове отрывки своего сна, пыталась вспомнить лица теней, пыталась понять, что произошло. Да уж. Давненько я уже не видела снов. И мне страшно, что они вернулись. Пусть и в другом облики, но они снова здесь.

День

К пяти в дверь постучала мама, разбив наш ленивый и уютный день на до и после. Она вошла в дом и принесла с собой немного холодного воздуха, приправленного ароматами сырости и парфюма, которые прилипли к ее шерстяному пальто и из-за мороза играли по-особенному ярко. Я залила кипятком листья чая с бергамотом и проводила ее в комнату.

– Слушай, дом совсем не узнать. Ты хорошо потрудились. Правда, я бы на твоём месте сменила их, – мама указала на однотонные зеленые шторы, которые я купила на прошлой неделе, – от них веет скукой.

– Мне нравятся, – хмыкнула я и передала ей кружку с чаем. – А ты чего здесь в такую погоду?

– Ты не привела сегодня Селену. Я не знала, что у тебя выходной.

– Ах да, прости, совсем вылетело из головы. – Я не успела договорить, когда на шею мамы уже повисла Селена, бесконечно радуясь ее приходу. *В детстве есть прекрасная особенность – ты искренне скучаешь по человеку, даже если видел его вчера.*

– Боже мой, Селена! Дай бабуле хоть поставить кружку, от греха подальше. – Она повернулась к столику, и ее взгляд упал на стоящее рядом дерево с парой-тройкой ярких плодов на нем. – Оливия! Что ты натворила?

Она поставила кружку на стол, расплескав немного кипятка и ошпарив свои пальцы, которыми аккуратно начала водить по каждому листочку, на котором появились неестественного цвета пятна.

– Ты совсем его запустила, – с грустью в голосе сказала мама.

Черт! Я совсем забыла про него. Я опустилась на колени, став ближе к дереву, вдохнула полной грудью и ощутила легкий цитрусовый аромат.

– Что с тобой, друг? Ты не увядаешь просто так.

За годы его жизни лимон чах лишь в тех случаях, когда дела обстояли действительно плохо. Мой друг тяжело перенес переезд в Блиссад, равно как и мое возвращение в Таймун. Он всегда чувствовал больше и, кажется, все знал наперед. Словно лимон был моим персональным магическим шаром, посмотрев в который можно было с легкостью определить мое состояние на сегодняшний день. Мама знала об этом, поэтому ей не составило труда понять, что мою душу явно что-то тревожит.

– Зайди ко мне завтра, я отсыплю для него удобрений, – сочувственно произнесла мама, а после добавила: – Не хочешь рассказать, в чем дело?

Я отрицательно покачала головой, лениво перемещаясь в кресло рядом.

– Мама плохо спала сегодня ночью, – вмешалась Селена, в которую стрелой вонзился мой взгляд. – Она даже кричала, – создав из ладоней полумесяц, остановившийся на уровне ее губ, она шепотом послала слова бабушке. Мол: «Ты не поверишь!» Они резво обогнули полукруг и с грохотом влетели в мамины уши.

– Селена, оставь нас! – Я посмотрела на дочь, которая прикрыла рот рукой. Она осознала, что взболтнула лишнего, но было уже поздно.

– Прости, – ее голос звучал виновато.

– Ничего, детка, просто возьми Снежного, и поиграйте с ним в своей комнате. Хорошо? Как только Селена оставила нас, наша повседневная беседа мигом превратилась в допрос.

– И давно?

– Впервые за долгое время. – Мама недоверчиво посмотрела на меня. – Правда. Это был просто ночной кошмар, не больше.

– Ты звонила Виктории?

– Мама, – разочарованно произнесла я, – в этом нет абсолютно никакой необходимости. Единственный кошмар за столько месяцев – не повод обращаться к психотерапевту.

– Я уже потеряла одну дочь и не вынесу... – Ее глаза заблестели от слез.

– Не говори о ней в прошедшем времени. – Мне были противны ее слезы.

– Кристины не стало много лет назад. Той милой девочки с соломенными кудряшками, той девочки, которой я заплетала косы, вплетая в них белую ленту, перед тем как потерять ее. Я надеюсь, ты никогда не узнаешь мои чувства.

– Как ты можешь? – Я сморщила лоб от отвращения.

– Она была такой хрупкой. Я бы многое отдала, чтобы узнать, что случилось в тот день.

– Она была больна! Кристина всегда была немного не в себе. – Мама запрокинула голову назад, пытаясь загнать слезы обратно в глазницы, после чего отрицательно покачала головой. – Ты отказывалась видеть, что что-то не так! Ты могла спасти свою дочь, если бы смотрела глубже, а видела лишь ленты в ее волосах.

– Поэтому я не повторю своей ошибки. – Рукой она смахнула слезы, которые так и продолжали бежать по щекам. – Тебя так мучали кошмары в прошлом.

– И они останутся там, – уверяла я, в то время как сама сомневалась в сказанном.

– Успокой свою мать, пожалуйста, поговори с Викторией. Нам было так сложно, и я не хочу повторения. – Мама присела рядом, едва уместившись на краю кресла. – Если все хорошо, то лучше услышать это от доктора. Я так переживаю за тебя, Оливия! – Она провела рукой по моей щеке.

– Хорошо, – согласилась я, – если это так важно.

– Спасибо. Я, наверное, пойду. – Она встала и неловко поправила свитер, после чего позвала внучку, чтобы обнять на прощание: – Селена, бабушка уходит!

– Мама, не говори отцу. – Мне не хотелось наводить всеобщую панику.

– Не скажу.

Я увидела улыбку на ее лице – лице, которое только что роняло слезы, которое какие-то минуты назад было мне противно. Я видела душу, которая сейчас росла вековым деревом рядом и была мне ближе и роднее всех остальных. Это и есть семейная связь – вы можете ненавидеть, делать больно, пуская свои корни друг в друга, но в итоге, как бы мучительны ни были ваши страдания, вы сливаетесь в единое целое и уже не можете существовать отдельно.

– Не забудь про удобрения. – Она направилась к выходу.

– Постой! – Я выбежала следом, столкнувшись с Селеной в коридоре. – Детка, одевайся, мы навестим дедушку с тетей Кристиной.

Хоть мама и делала вид, что отрубила ту ветку, которая связывала ее с моей сестрой, я не собиралась поддерживать ее поступок.

Кристина

Она сидела на полу рядом с журнальным столиком, на котором плясал одинокий огонек свечи. Кристина увлеченно мяла размягченный воск, пытаясь превратить первоначально цилиндрическую форму в фигуру более сложную, особенную, с обтекаемыми краями.

– Как ты?

– Неплохо, – ответила сестренка, не отводя взгляда от источника тепла рядом. Она медленно водила пальцем по ободку свечи, приближаясь к центру, словно закручивая невидимую спираль. – А у тебя? Что-то произошло, иначе, зачем ты здесь?

– Я просто соскучилась по сестренке. – Не знаю, соврала я или сказала правду.

– Ты не скучаешь просто так. По мне никто никогда не скучает просто так.

– Неправда. И, Кристина, ты прекрасно это понимаешь. Селена в тебе души не чает, и отец...

– Хватит! – Перебила она с такой силой, что свеча напротив потухла, и комнату накрыла темнота, которая словно вырвалась из Кристины, откуда-то из глубин ее подсознания.

– Отец сказал, что ты все-таки согласилась на предложение Марка. Ты мне не рассказывала. Столько времени прошло. – Она прошла в коридор и включила несколько ламп, прогнав темноту.

В момент, когда свет заполнил комнату, я увидела ту сторону Кристины, что пыталась забыть. Когда-то прежде наш уютный бункер был не таким, каким я видела его сейчас. В детстве здесь висели огоньки на стенах, теперь – грубые железные лампы. Коллаж из детских рисунков и подростковых плакатов сменили журнальные вырезки и статьи из газет. Гору игрушек и нашу библиотеку у входа вытеснили стопки просроченной прессы, коробки с бумагами и сотни разноцветных папок. Я давно не спускалась к ней, дозировала общение ее редкими появлениями снаружи. Думала, что так я помогаю ей, когда на самом деле томила сестру одиночеством. Я думала, не будь меня рядом, Кристине станет не страшно жить в мире, но она все больше и больше уходила под землю, закрывая себя от него. Мне стало не по себе.

– Прости, я думала, что ты в курсе. Тебе все еще выписывают оланзапин²?

– Мама как полоумная приносит мне новую баночку каждый месяц. Все пытается исправить меня.

– Она переживает за тебя.

Кристина возмутилась:

– Она жертва потребления! – Сестренка взмахнула руками: как я могу не понимать этого? – Оглянись вокруг. Человек – концентрация всего жестокого. Мы хотим истребить все, нам неудобное. И мама доказывает мои слова, каждый раз принося мне оланзапин.

– Я так понимаю, ты продолжаешь не принимать его.

– Ты слышишь, о чем я говорю? – Она обхватила руками голову. – И это я схожу с ума? Просто невыносимо.

– У меня был кошмар.

– Сестренка, – произнесла Кристина, полная разочарования.

– Мне страшно, что он может вернуться. Я не рассказала о своем страхе маме, не рассказала Виктории.

– Виктория – шарлатанка, как и все мозгоправы, – фыркнула Кристина.

² Оланзапин – антипсихотический препарат, структурно и по действию схожий с клозапином. Применяется для лечения шизофрении и биполярного аффективного расстройства. Имеет широкий спектр психофармакологического действия и обладает антидепрессивным эффектом.

– Я рассказываю тебе. Думаю, что ты сможешь понять меня, но ты не знаешь всей правды. Я была зависима. Наши отношения с Марком сводили меня с ума. Я задыхалась от одиночества, от осознания того, что любимого человека постоянно нет рядом. В первый раз я изменила Марку от скуки, я приняла какие-то таблетки, и мне стало так хорошо. Я была счастлива с тем, чье имя даже не знала. И так несчастна от безумной любви и тоски по Марку, и от той боли, которую я ему причиняла раз за разом. Это сводило меня с ума, и тогда пришли они – сны, которые я не в силах была удержать. – Поэтому ты ушла от него?

Я утвердительно кивнула.

– Когда ты вернулась из Блассада, ты оказалась другой. Ты вернулась со впалыми скулами и припухшим взглядом. Отец сказал, что вы с Марком разошлись, и лучше тебя не доставать с расспросами, – на ее лице появилась ностальгическая улыбка. – А я была рада. Я эгоистично радовалась твоим слезам, я даже рада была твоей потере в каком-то смысле. Моя сестра вернулась домой, она была рядом, и мне было абсолютно неважно, что случилось. Она была в безопасности, и этот факт грел мне душу. Ее мучали кошмары, но ведь я предупреждала. Предупреждала тебя.

– Прости, что не рассказала тебе раньше. Все так крутились возле меня, пытаюсь избавиться от недуга. Как я могла признаться, что сама довела себя до бессонных ночей? Сама возненавидела Марка, сама прокляла его, и только натворив дел, поняла, как мне его не хватает.

– Жизнь уничтожила тебя, потрепала, запутала и выплюнула обратно. Она поступает так с каждым. Не церемонится. Поэтому я редко выбираюсь наружу. Боюсь увидеть эту реальность.

Кристина знала, о чем говорит, ее слова были оправданы. Ведь только она вышла в большой мир, он сразу же дал ей пощечину.

– Я могу взять у тебя оланзапин? В прошлый раз он помог мне. Конечно, я могу позвонить Виктории и попросить выписать мне рецепт, но, если честно, я ей не очень доверяю. – Я соврала, ведь Виктории я как раз-таки могла довериться. Но обратиться к ней значило признать проблему, а я этого не хотела.

– Если я скажу, чем все может обернуться, ты же меня не слушаешь? – Я виновато молчу. – Когда будешь уходить, возьми их в коробке у лестницы.

– Спасибо. Тогда я пойду.

Пока я пыталась найти у лестницы нужную коробку, мой взгляд остановился на стопке знакомых брошюр. Я вижу их не впервые и даже знаю их на ощупь: ярко-зеленого цвета, матовые, из самой дешевой бумаги. «Таймун – не помойка!» – самая большая и яркая надпись на них. «Будущее не за «Таймун Индастриз». Будущее за нами» – чуть меньше и менее ярко. Я почувствовала, как Кристина прожигает меня взглядом.

– Зачем ты пришла на самом деле? Это они тебя послали? Теперь ты на их стороне?

– О чем ты?

– Уходи!

Атмосфера в бункере изменилась. Я судорожно огляделась еще раз и все же увидела нужную мне коробку, быстро засунула в нее руку и нащупала стеклянный бутылек.

– Взяла все, что хотела?

– Кристин, не надо так.

– Уходи! Уходи отсюда! – Она схватила свечу причудливой формы и, недолго думая, бросила ее в мою сторону. – Уходи!

Восковая граната врезалась в железную стену, оглушив меня звонким эхом, после чего смялась и упала к моим ногам.

Я опустила железную дверь и закричала – громко и дико, а закончив, обернулась и увидела отца, стоящего на веранде нашего дома. Он осуждающе смотрел на меня, но не сказал ни слова. Отец единственный, кто поддерживал Кристину. В конце концов, это он выкопал ей бункер и обшил его железными листами. Это он поставил эту дверь, за которой спрятал

свою дочь. Я знала, отчего он злится: я бросила ее, увезла Селену. Как и он, я спрятала дочь от пагубного влияния окружающей среды. Отец развернулся и молча зашел в дом. Наверное, он думал: «И зачем она только вернулась?» Возможно, в очередной раз отец во мне разочаровался. И я осталась одна, наедине с совершенно непонятными мыслями. Все как-то слишком запуталось. Или же наоборот – начало проясняться?

Нечто грядет

Все началось со сгоревшего кофе, кухни в дыму и ожога в форме ободка кофейной чашки на правой руке – у меня. С первого дня в группе дошкольной подготовки – у Селены. Уверена, что и для дочери этот день обещает быть не менее нелепым. Хоть класс уже встречался раньше на ознакомительной экскурсии, прошедшей на днях, но все мы знаем, что такое первый класс: новая школа, незнакомые лица вокруг. Все новое в этом возрасте страшно и непонятно. И я переживала даже больше, чем мой ребенок, которому предстояло в ближайшее время лицом к лицу столкнуться с суровой реальностью и увидеть жестокость, зависть и унижение среди своих ровесников. Я была напугана, что моя крошка станет одной из этих жестоких детей, или еще ужасней: забьется в угол и не вылезет из него, пока не окончится выпускной год.

Мою душу всегда тревожил тот факт, что Селену неизбежно настигнет взросление. Какой она станет? Что будет с той девочкой, которая по утрам любила пить какао с зефирками, всюду таскать за собой плюшевую игрушку, называя ее «Снежный», искренне радоваться жизни и безоговорочно любить меня? Будет ли она одной из успешных дам, которые на рассвете забирают американо в кофейне, или же посвятит свою жизнь семье и мужу? Унаследует ли она мою слабость? Станет ли похожей на Кристину? Познает ли ее страх, ее паранойю? Наверное, последний вопрос пугал меня больше всего.

У Кристины с Селеной после нашего возвращения из Блиссада сложились особенные отношения. Между ними было нечто большее, чем простая семейная близость. Сестра таила в себе загадку, а дети всегда чувствуют подобное и, во что бы то ни стало, пытаются ее разгадать. Детство обожает тайны и как магнитом притягивает их к себе. Когда Кристина выходила, то сразу же окутывала Селену вниманием и увлекала сказочными историями. Сначала они играли в пиратов, после – в золотоискателей. А на мои возражения, что это одно и то же, я получала в ответ два недоумевающих взгляда. Все шло отлично. Казалось, Кристина наконец увидела смысл выходить наружу, а Селена нашла себе друга – единственного, кто не остался на морском побережье и не испарился после переезда, как замок из песка после наплыва волны. Бессмысленно и безвозвратно.

И думалось, и верилось, что вот оно – лекарство от недуга. Пока я пыталась излечиться, прогнать прочь свои сны, три раза в неделю навещаю Викторию. Пока я забывала о родительском долге, свалив ребенка на родителей и сестру. Я не заметила. Мы не заметили. Или же нам просто хотелось верить, что такая увлеченность – это здравый рассудок, а не временная ремиссия. Взрослые забылись, дети заигрались. И вот я уже практически перестала видеть свою дочь. Кристина увела ее с собой под землю. Как бы надуманно и странно это ни звучало, но так и было. Они изучали карты, читали биографии знаменитых людей, выдвигали теории. Хорошая зарядка для ума, но совсем не детская. Занятие, не подходящее для шестилетки. Подобное увлечение не могло не наследить: например, Селена отказывалась есть еду из упаковок, как это делала Кристина, но все еще не отказывала себе в удовольствии выпить утреннюю кружку какао. Такая мелочь напоминала мне о Селене – о моей дочурке, чье сознание в шесть лет еще не было переполнено информацией о конце света, проблемах потребления и всеобщего заговора. Тогда я приняла решение съехать. Странно, что родители поддержали меня. Я видела, как отцу сложно было забрать у Кристины ее игрушку, хоть и во благо его любимой внучки. Видимо, сказались уговоры мамы и здравый смысл: им больше не хотелось наблюдать за тем, как их кровинушка потихоньку теряет себя. Вновь.

И рабочий день показался мне странным. Утром автобус завез нас прямо на территорию завода. Снаружи было громко. Множество людей в один голос выкрикивали лозунги «Таймун не помойка!» и преграждали путь автобусу, стучали по окнам, а мы ехали так медленно, акку-

ратно пробираясь к цели, что я могла с легкостью рассмотреть линии жизни на расплюснутых ладошках протестующих. Один будет долго жить, другой произведет на свет троих детей, а этот – всего одного. Одну ладонь я не смогла прочесть – она быстро мелькнула среди десятка других, бивших по стеклу. Но успела разглядеть, кому она принадлежала: красное пальто, на контрасте бледная кожа, покрытая румянцем от мороза, знакомое темное каре. Вероника. Это была Вероника.

– Такого еще не было, – сказал Виктор, сидевший рядом.

Я не заметила его. Была так поглощена своими мыслями. Интересно, давно он здесь?

– Привет, – сказала и неловко улыбнулась. – Меня не было всего день. Один чертов день!

Что происходит?

– Ты не в курсе? – Удивленно произнес Виктор. – Все уже знают.

– Что именно?

– Соглашение с китайскими партнерами подписано. Вчера утром вышла статья в городской газете.

– И что все это значит? – Недоумевала я.

– Ты что, с луны свалилась? Увеличение производства, поставки за границу.

– Но завод не может производить больше: понадобится новое оборудование, совершенно другие технологии. Для таких-то масштабов. Не говоря уже о новых помещениях.

– В мае начнут вырубать лес дальше по реке, – он указал на зеленую полоску, которая молча выглядывала из-за глиняных бугров, равномерно разбросанных по пустырю.

Бамц! И прямо перед моим лицом в стекло прилетел очередной удар. *Умрет молодой, но успеет два раза выйти замуж.* И в этот момент мне стало так стыдно. Я не должна быть в автобусе, я должна бить по нему снаружи. Там столько людей: таких разных, с такими интересными жизнями. Но все же они там: в феврале, в минус двадцать, объединенные одной целью – бескорыстной и правильной.

И они правы. Таймун – не помойка. Не пустырь на месте вековых сосен. Не новый район для рабочих на месте местного рынка. Мысль о том, что я сама причастна к происходящему, вызвала в моей душе панику. А лица людей снаружи – веру. *Еще ничего не потеряно.*

На смене время тянулось неестественно долго. Марка на заводе не было, а Эльвиру я видела лишь пару минут, когда получала задания на день. Мне не положено было знать, чем она так озадачена, что не сможет сегодня следить за процессом. Все, что я услышала: «Не задавай лишних вопросов. Иди, займись делом». Следовательно, вся работа упала на мои плечи.

Смена закончилась в пять – не менее странно. Я прыгнула в автобус, отправляющийся с территории завода, миновала пост охраны и вновь оказалась среди толпы, которая тут же облепила нас со всех сторон. Народу стало больше. Увеличилось количество незнакомых лиц. Вероятно, они приехали сюда из соседних городов. Странно, что новость дошла до них так быстро, когда я – местный житель, работник злосчастливого завода, в конце концов, еще утром не была в курсе последних событий. И это меня тревожило.

В этот раз я не рассматривала их ладони, насмешливо не гадала об их судьбах в тот момент, когда люди снаружи пытались спасти свое будущее. Я смотрела им в глаза, в небезразличные лица и понимала все: о чем они говорят и что думают. Вероника увидела меня раньше, чем я ее, раз успела написать одиннадцать цифр на картоне с пометкой «Позвони мне». Отчего-то я сразу поняла, что послание адресовано мне, поэтому я достала мобильный и набрала номер.

– Привет. Не хочешь выпить? – Вероника произнесла слова так легко и непринужденно, как обычно говорят друзья, хотя мы были едва знакомы. Да что уж, совершенно незнакомы!

– Боюсь, что мне нужно забрать дочь из подготовительной группы. – Мне не хотелось стать одной из тех матерей, которые, заработавшись, забирали ребенка последним из всех. И была рада тому, что смена заканчивается за тридцать минут до конца занятий.

- Очень жаль. Я думаю, нам есть, что обсудить. Какого черта ты забыла в этом автобусе?
- Я вообще-то работаю здесь, – неловко произнесла я.
- Задам вопрос по-другому: почему ты все еще работник завода?
- Честно? Понятия не имею, – сказала я и задумалась.

Насколько действительно все плохо? Я ведь обычный рабочий. И если подумать: решение принято не мной, не грузчиком рядом, не оператором напротив. Почему я чувствую себя запятнанной? Возможно потому, что человек, вынесший решение, для меня не просто безликое начальство, а бывший муж и отец моего ребенка?

- Ты на машине? – Передумала я.
- А как же?!

– Ты можешь забрать меня у начальной школы? Я заберу Селену, но не собираюсь отвезти ее к родителям. Как насчет зайти ко мне в гости? Особого приема не обещаю, но бутылкой хорошего вина угостить смогу.

- Звучит заманчиво.

Надеюсь, что я не совершаю ошибку, пуская незнакомую девушку в свой дом. Но, кажется, мы не зря встретились тем снежным вечером. Вероника спасла меня, возможно, она послана мне для чего-то большего.

У меня не было подруги со времен университета, поэтому было приятно вот так просто сидеть у себя в гостиной, пить вино, где во вкусе спорят слива, дерево и специи, и вести разговор на важную тему. Этот процесс грел мою душу, и я думала, почему не практиковала подобное раньше. Почему-то мне всегда хватало дочери и мужа, было достаточно узкого круга семьи. Правда, только в душевном плане.

Вероника уже знала о моей связи с Марком, а я не стала интересоваться, откуда. Обычно подобное всегда на поверхности, на кончиках языков рабочих, соседей – всех, кому не лень.

– Скажи, ты верная жена? – Спросила она, а я подавилась вином. Очень иронично задавать мне такой вопрос. Но откуда она могла знать?

- В каком смысле? Я больше ничья жена, если ты не заметила.

– Я имею в виду: готова ли ты пойти против Марка? Сможешь ли окончательно разорвать с ним?

– О, поверь мне, с Марком покончено раз и навсегда. Он женится в следующем месяце, – делаю глоток и надменно договариваю фразу: – в Италии.

– Значит, ты готова, – утвердительно произнесла Вероника, схватила яблоко со стола и надкусила его, а я непонимающе посмотрела на нее. – Ты, конечно, прости, но твой бывший муж – мудака, который совершает преступление против человечества.

– Ты о китайском партнерстве? Я, если честно, еще не совсем разобралась со своим отношением к данному проекту. Экономически это выгодно как для компании, так и для города. Ты только представь, сколько рабочих мест появится! – Вероника от недоумения раскрыла рот. – И в то же время, этот лес – мое детство, наш воздух, дом десятков видов животных, он и так поредел за последние годы. И мне до боли в сердце грустно, что его может в какой-то момент не стать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.